

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 323.328(474) : 94(470) “18”

Захаров В.Н.

Московский государственный областной университет

КУПЦЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ В МОСКВЕ В XVIII ВЕКЕ

V. Zakharov

Moscow State Regional University

MERCHANTS FROM THE EASTERN BALTIC REGION IN MOSCOW IN THE XVIIITH CENTURY

Аннотация. Рассматривается торговая и кредитная деятельность в Москве в XVIII столетии купцов, прибывших из Лифляндии, Эстляндии, Курляндии, а также Мемеля. На основании массовых источников (дела о записи в московское купечество, о просроченных векселях, материалы подушных переписей) выявлен персональный состав прибалтийских купцов, определен характер и направленность их кредитных сделок, в связи с чем сделан вывод об их коммерческих связях на внутреннем и внешнем рынке, показана двойственность статуса этой группы коммерсантов, имевших иноземные корни, но состоявших в российском подданстве.

Ключевые слова: остзейские купцы, Восточная Прибалтика, Москва, внешняя торговля, кредит в торговле, купеческие гильдии.

Abstract. The article considers the commercial and loaning activity of the merchants who came to Moscow from Estonia, Livonia, Courland and Memel in the XVIIIth century. On the basis of mass sources (records fixing joining the Moscow merchant class, promissory notes with the exceeded time limit, poll census archive documents) the author disclosed the list of Baltic merchants' names, and detected the nature and trends of their banking operations. Consequently the author comes to the conclusion about the nature of their commercial contacts at the internal and foreign markets. The article illustrates the dual nature of the status of East Baltic merchants who were of foreign origin but Russian citizenship.

Key words: Ostsee (The Baltic) merchants, the Eastern Baltic States, Moscow, foreign trade, loans in trade, guilds of merchants.

Развитие внешней и внутренней торговли России в восемнадцатом веке происходило в условиях постоянного расширения ее международных экономических связей. При этом значительно возрастает количество предпринимателей, купцов из числа иностранцев или иноземцев, действовавших в самых разных сферах экономики. Особое место среди них занимали купцы из Восточной Прибалтики. В основном, это выходцы из провинций древней Ливонии, в XVI – XVII вв. оказавшихся в зависимости от Швеции и Польши, а в XVIII в. ставших губер-

ниями Российской империи. Это земли, известны в XVIII в. под названиями: Эстляндия, Лифляндия и Курляндия. В русской дореволюционной традиции этот регион называли «Остзейским краем» (от немецкого названия Балтийского моря). Жители этого края часто именовались «остзейцами», что имело отношение в первую очередь к дворянам или господам немецкого происхождения.

Деятельность купцов из Восточной Прибалтики в России еще не стала предметом специального исследования, а в обобщающих трудах по истории торговли остается пока на периферии научного интереса авторов. На наш взгляд, эта группа купцов заслуживает большего внимания и специального изучения. Во-первых, она была весьма многочисленной и довольно активной как в сфере внешней, так и внутренней торговли. Во-вторых, она занимала особое место среди купечества, действовавшего на российском рынке. Это обусловлено двойственностью их природы и статуса, что стало очевидным после вхождения Восточной Прибалтики в состав России в результате Северной войны.

С одной стороны, есть немалые основания считать остзейских купцов частью иноземного купечества в России. Они имели давние и хорошо налаженные связи с западноевропейским рынком, что было почти нехарактерно для собственно русских купцов, даже для самых крупных. Остзейские купцы и своим происхождением были связаны со странами зарубежной Европы, имели там родственников и торговых партнеров. Большинство из них происходили из немецких земель, немалая часть – из ганзейских городов. Наконец, немецкий язык, который был для остзейских купцов родным, был широко распространен среди иностранных коммерсантов в России. Остзейские купцы принадлежали к миру иноземного купечества и с точки зрения владения ими практикой ведения торговых и кредитных операций, принятой в европейских странах. Русские купцы, за редким исключением, подобными знаниями и умениями не обладали. Поэтому, оказавшись в российских портах, Петербурге и Архангельске, остзей-

ские купцы могли развернуть внешнеторговые операции аналогично находившимся в этих портах иностранными подданными, заключать кредитные и иные сделки с русскими купцами в соответствии с практикой, имевшей место в зарубежной Европе.

С другой стороны, со времени вхождения Восточной Прибалтики в состав России они стали российскими подданными и приобрели права и привилегии собственно русского купечества, почему и могли достаточно свободно действовать по всей стране и одновременно сохранять деловые контакты со своими городами в Прибалтике и за рубежом.

В рамках небольшой статьи возможно рассмотрение их деятельности лишь в одном из значимых пунктов российского рынка, в данном случае в Москве, крупнейшем центре внутренней торговли, привлекавшем множество коммерсантов со всей страны и из-за рубежа. Восемнадцатый век при этом весьма интересен, поскольку именно тогда менялся статус остзейских купцов в России и особенности их торговой деятельности проявились наиболее очевидно.

Торговая деятельность купцов из Восточной Прибалтики в России имеет глубокие исторические корни. Хорошо известно, что уже в первой половине XV в. в обеспечении контактов Новгорода и Ганзы доминировали купцы находившихся рядом городов Ливонии (Дерпта, Ревеля, Риги и др.) [6, с. 65-68]. Когда в XVI в. Ганза приходит в упадок, возрастает роль Нарвы в обеспечении внешнеторговых контактов Руси на северо-западном направлении [9]. Нарва не входила в ганзейский союз, через этот город пытались развивать торговлю с Россией английские и голландские купцы, но, как и в других городах Восточной Прибалтики, в большинстве своем купечество Нарвы имело немецкое происхождение.

В XVII в. Лифляндия и Эстляндия, а также устье Невы и Выборг находились под властью Швеции, правительство которой стремилось сделать все возможное, чтобы основной поток товаров из России на Запад и обратно проходил через остзейские порты. Российское

правительство, напротив, большое внимание уделяло торговле Архангельска, который являлся практически единственным морским портом, через который осуществлялись непосредственные контакты России с западно-европейским рынком. Тем не менее усилия шведских властей не остались безрезультатными. Имеющиеся данные свидетельствуют о существенном росте товарооборота остзейских портов [10, с. 332, 343-344], в связи с чем в России появляется все больше купцов из Лифляндии и Эстляндии. Они действуют в Новгороде, появляются и в Москве, которая привлекает их как центр внутреннего рынка страны и как столичный город, царская резиденция.

На рубеже XVI и XVII вв. в Москве возникает группа купцов немецкого происхождения, известная под названием «московские торговые немцы» или «московские торговые иноземцы» [2]. Можно с большой долей вероятности предположить, что эта группа состояла в основном из выходцев из Восточной Прибалтики, как например Томас Келдерман (Kellermann) или семья Вестовых (Westhoff)¹. Уже в XVII в. они находились в российском подданстве, а Т. Келдерман даже имел чин «гостя», т. е. принадлежал к наиболее привилегированной группе крупного русского купечества [1, с. 124]. В Москву приезжали и купцы из Восточной Прибалтики, состоявшие тогда в шведском подданстве. В частности в конце XVII в. они доставляли предметы военного снаряжения и другие товары по заказам царского двора. К этой группе можно отнести и находившегося в Москве в конце XVII – начале XVIII вв. Андрея Минтера (Heinrich Münter) и Томаса Книппера, который имел ранг шведского консула, в связи с чем получил фамилию Книпперкрон. А. Минтер был, видимо, своим происхождением связан с Ригой, поскольку именно туда он отправил для обучения торговому промыслу своего сына Ивана².

¹ О происхождении фамилии Келдерман (Kellermann) из Ливонии есть прямые свидетельства источников [7, 21].

² Российский государственный архив древних актов

С началом Северной войны в 1700 г. торговля через северо-западные рубежи России была блокирована, что крайне осложнило деятельность в России купцов из Восточной Прибалтики, поскольку большинство из них были подданными Швеции и не могли приезжать в Россию для торговли. Те из них, кто все же находились в российских городах, оказались на положении интернированных. Тем не менее, и в период Северной войны в России продолжали торговую деятельность «московские торговые иноземцы» Томас Келдерман, Павел Вестов и Андрей Минтер.

После окончания Северной войны начался новый этап деятельности остзейских купцов в российской торговле. Ништадский мир 1721 г. закрепил за Россией земли Прибалтики от Выборга до Риги, проживавшие там дворяне и горожане, в том числе купцы, стали российскими подданными, сохранив некоторые права и привилегии, которыми они пользовались при шведском владении. Российское подданство давало возможность остзейским купцам вести торговлю в разных городах империи наравне с русскими купцами. В течение всего XVIII в. происходила постепенная унификация правового положения остзейских провинций и городов в рамках общероссийского законодательства. Как подданные империи купцы Лифляндии и Эстляндии приобрели во второй половине XVIII в. статус российского гильдейского купечества и в зависимости от принадлежности к определенной гильдии могли вести внешнюю и внутреннюю торговлю, оптом и в розницу.

По состоянию источников практически невозможно проследить торговую деятельность остзейских купцов на внутреннем русском рынке. В отношении первой половины XVIII в. массовых источников о перемещении товаров внутри страны сохранилось крайне мало, а в 1753 г. в связи с упразднением внутренних таможен исчезли и сами учреждения, где систематически велось таковое делопроизводство. О присутствии купцов из Прибалтики в Москве, центре русского рынка, мы можем судить на основании материа-

(далее – РГАДА). Ф. 150. 1698 год. Д. 5.

лов о составе купечества (например, данные переписей, проводимых с целью налогообложения, документации о записи в купечество) и сохранившихся документов о вексельном обращении и взыскании долгов. Так, в состав московского купечества в течение XVIII в. вступили множество иноземных коммерсантов. Исчерпывающих данных на этот счет нет, но проводившиеся несколько раз в течение XVIII в. переписи податного населения, а также сохранившиеся дела о записи в купечество свидетельствуют, что основная масса купцов иноземного происхождения прибывала из стран зарубежной Европы. Однако есть среди них и уроженцы городов Восточной Прибалтики, причем чаще всего они оказывались в составе московского купечества еще в первой половине XVIII в. Это в значительной степени объясняется последствиями Северной войны, после которой в центре России оказалось немало лиц, перемещенных из Восточной Прибалтики в качестве пленных, интернированных или их потомков. В 1740 – начале 1760-х гг. сохранилось тринадцать дел о записи иностранцев в московское купечество. В девяти случаях речь идет о немецких купцах, из них пятеро прибыли из Восточной Прибалтики. Очевидно, мы имеем дело только с частью сохранившихся дел такого рода, но их случайная выборка свидетельствует о преобладании среди прибывавших в Москву иноземцев жителей остзейских провинций.

В 1744 г. в московское купечество вступил Иван (Эрнест Иоганн) Балк. Он родился в Нижнем Новгороде, в семье Николая Балка, уроженца Мариенбурга (ныне – Алуksне) в Лифляндии, служившего в шведской армии и оказавшегося в русском плену в 1700 г. Балк-младший обучился коммерции, переселился в Москву, где стал торговым агентом известных гамбургских купцов Конау и Поппе¹. Очевидно, в годы Северной войны в Москве оказался Иоганн Рейх, вальдмейстер из Вендена (ныне – Цесис). Его сын Самойла стал коммерсантом, обзавелся домом и лавками в Немецкой сободе и в 1765 г. записался в

московское купечество². Ганс Фридрих Боленс, известный в середине XVIII в. в Москве коммерсант и промышленник, заявлял о себе, как о «природном шведском купце». Его отец жил в Кронштадте и был помощником Якова Вольфа. Очевидно, он принадлежал к купечеству одного из городов Восточной Прибалтики еще при шведском владении. С Восточной Прибалтикой связано также происхождение прибывших в Москву в 40-х гг. Иоганна Михеля Груммерта и Петра Давыдова Никласа. Груммерт в 1748 г. прибыл в Ригу из Кенигсберга, затем отправился в Петербург, где служил в фирме любекского купца Штегельманна, который был гоф-фактором, т. е. торговым представителем российского императорского двора. В обороте фирмы имелись импортные товары, пользовавшиеся спросом в среде русской знати. Груммерт, овладев необходимым опытом и связями, посчитал возможным открыть торговлю этими товарами в качестве самостоятельного купца, причем в центре российского рынка, а именно в Москве. В 1751 г. он вступил в состав московского купечества³.

Петр Давыдов Никлас родился в 1722 г. в Мемеле, в купеческой семье. Его отец и старший брат торговали шелковыми товарами, имели связи в Петербурге и в Москве. Петр Давыдов провел некоторое время в Риге, откуда прибыл в Москву в 1746 г. В 1756 г. он, будучи уже московским купцом, навечно вступил в «российское подданство». Как подданный Пруссии, он должен был так поступить, чтобы получить право неограниченной торговли в России, в том числе розничной торговли в Москве⁴.

Во второй половине XVIII в. количество купцов из Восточной Прибалтики, оседавших в Москве, существенно сокращается, несмотря на то, что в это время значительно увеличивается количество иностранных коммерсантов, поселявшихся в древней столице. Так, материалы третьей и четвертой ревизий (переписей податного населения) по городу

² РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 13290.

³ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 5191.

⁴ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3338; Д. 7283.

¹ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7015.

Москве зафиксировали пребывание в составе московского купечества и мещанства всего нескольких выходцев из остзейских провинций. Это уже упомянутые Петр Давыдов Никлас (умер в 1792 г.), Ганс Фридрих Боленс (умер в 1780 г.), и всего двое вновь прибывших: это Карл Андреас Раутель из Нарвы и Карл Иоганн фон Гине (von Hüne) из Ревеля. Раутель торговал виноградными винами, а фон Гине вовсе не имел достаточного капитала для вступления в купеческую гильдию и числился в мещанстве [4, с. 3, 206, 207; 5, с. 446, 450].

Выходцев из Восточной Прибалтики иногда удается отыскать на просторах необъятной России, что совсем не характерно для коммерсантов, приезжавших из стран зарубежной Европы и оседавших, как правило, в столичных городах. Тем не менее, оказавшись где-либо в провинции, они, как правило, не могли миновать Москву. Например, уроженец Нарвы Гендрик Якобсон в 60-х гг. оказался на Липских заводах (ныне – Липецк), сумел войти здесь в состав учредителей суконной фабрики, но вскоре вынужден был продать свою долю и перебрался в Воронеж, где служил у губернатора А.М. Пушкина. Его сын Иоганн Якобсон смог завести торговое предприятие и вступил в купечество Воронежа, откуда переехал в Москву и вошел в 1790 г. уже в первую гильдию. В 1772 г. в Москву прибыл купец города Якобштадта в Курляндии Иоганн Вильгельм Гренер. Отсюда он отправился далее на восток, проехал Казань, добрался до Тобольска в Сибири, где и записался в местное купечество¹.

Проживавшие в русских городах остзейские купцы достаточно активно занимались и кредитной деятельностью. О развитии кредита и ростовщичества можно судить главным образом на основании документации по неоплаченным и опротестованным векселям, о несостоятельных должниках, поскольку только такого рода документация сохраняется в архивах. Тем не менее подобные документы имеются в массовом порядке, почему и

¹ РГАДА. Ф. 291. Оп.1. Д.16282; Центральный исторический архив Москвы. Ф. 32. Оп.3. Д. 231.

на их основании можно делать определенные выводы о составе кредиторов и должников, масштабах сделок.

Петр Давыдов Никлас из Мемеля, поселившись в Москве, активно занимался розничной торговлей галантерейными товарами. Однако в 1770-е гг. его дела пришли в упадок, он был исключен из состава гильдейского купечества и оказался в мещанском сословии. Основной сферой его деятельности стало ростовщичество. Сохранилось более двадцати полученных им векселей на разные суммы. Среди должников – представители московской аристократии: граф Апраксин, графиня Толстая, князь Кильдинов, князь Федор Голицын. Эта деятельность также не имела успеха, сам П. Никлас вынужден был прибегать к кредиту проживавших в Москве русских и иностранных купцов и в конце 1770-х гг. полностью разорился².

Иное дело – оказавшийся в Москве Христиан Генрих Геппнер, принадлежавший к известной купеческой фамилии из Ревеля. Во второй половине XVIII в. он постоянно присутствует в Москве, но в московское купечество он не вступает. В этом не было необходимости, поскольку он не намеревался заниматься здесь торговлей в лавках. Судя по обороту имевшихся в его распоряжении векселей, он взаимодействовал с целым рядом крупных коммерсантов, находившихся в Москве и Петербурге. Его кредитом пользовались проживавшие в Москве иностранные по происхождению коммерсанты: швейцарец Жан Жак Фрей (Frei), француз Филипп Демаре (Demaire), итальянец Доменико Збарбо (Zbarbo), уже известный нам лифляндец Самойла Рейх. Ему переводили деньги посредством векселей известные купцы, действовавшие в Петербурге: саксонец Готфрид Круг, гамбургский купец Иоганн Машмеер, англичанин Сэм Рансолт, любекская фирма Брунс и Иве. Также среди его партнеров проживавший в Москве голландец по происхождению Иоганн Эбергард Пелль и московский купец Михаил Шапошников [3, с. 661]. Прослеживаются его контакты и на кредитном рын-

² РГАДА. Ф.308. Оп.3. Д. 39. Л. 330.

ке Ревеля [8, с. 51, 90]. Отсюда следует, что Христиан Генрих Гепшенер был представителем своей семейной фирмы на московском рынке, осуществлял связь внешнеторговых акций своих родственников в Ревеле и Петербурге и с внутренним рынком. Это семейство было тесно связано с ведущими торговыми предприятиями, действовавшими в России, главным образом, иностранными.

Таким образом, присоединение Восточной Прибалтики к Российской империи способствовало расширению деятельности остзейских купцов в русских городах. Это выразилось в том, что коммерсанты из Лифляндии, Эстляндии могли достаточно свободно переселяться в другие города империи, вступать в состав местного купечества, вести торговые или кредитные операции. Разумеется, этой возможностью воспользовались немногие. В Москве остзейские купцы переходили к местной внутренней торговле, а также осуществляли кредитные операции, посредством которых осуществляли связь между внутренним русским рынком и коммерсантами, действовавшими в Петербурге и других внешне-торговых портах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. – М., 1998.
2. Демкин А.В. Московские торговые иноземцы в первой половине XVII века // Вопросы истории. 1984. – № 8.
3. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. – М., 2005.
4. Материалы для истории московского купечества: в 9 т. Т. 3. Сказки по 4-й ревизии (1782 г.). – М., 1885.
5. Материалы для истории московского купечества: в 9 т. Т. 4. Московское купечество на 1801 год, всех 3-х гильдий и именитых купцов. – М., 1886.
6. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. – М., 1986.
7. Angermann, Norbert. Livländisch-russische Kulturbeziehungen vor Peter dem Grossen //Russland – Deutschland – Amerika. – Wiesbaden, 1978.
8. Harder-Gersdorff, Elisabeth. Zwischen Rubel und Reichstaler. Soziales Bezugfeld und geographische Reichweite des Revaler Wechselmarktes (1762–1800). – Lüneburg, 2000.
9. Köhler, Meike. Die Narvafahrt. Mittel- und westeuropäischer Russlandhandel 1558–1581. – Hamburg, 2000.
10. Kotilaine, Jarmo T. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century. Windows on the World. – Leiden, Boston, 2005.